

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р58

Оформление серии *С. Груздева*

Рой, Олег.

Р58 Верь в меня / Олег Рой. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. —
(Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-099347-5

У Дениса Вишнякова была любящая семья, но разве этого достаточно для мужчины, который по своей природе хочет чувствовать себя победителем, добытчиком? И однажды появился некто, давший Денису огромные возможности. Все, что требовалось в ответ, – всего лишь написать книгу так, как этого желал заказчик. Что может быть проще! Вишняков с удовольствием окунулся в водоворот успеха, завел любовницу и даже не заметил, как стремительно рушится его прошлая жизнь...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099347-5

© Резепкин О., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

■ ЧАСТЬ 1

НИСХОЖДЕНИЕ

Но как они, познав Бога, не прославили Его
как Бога и не возблагодарили,
но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось
несмысленное их сердце;
называя себя мудрыми, обезумели,
и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный
тленному человеку, и птицам, и четвероногим,
и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях
сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела.
Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись,
и служили твари вместо Творца,
Который благословен вовеки.

Послание к Римлянам 1:21–25

Глава 1

Свой жизни путь пройдя до половины...

*Пробуждение писателя. Петля. «Виденье гробовое».
Незнакомка.*

...Ее смех поддразнивал, распялял, увлекал за собой в опасную, но такую сладостную игру, что Денис, даже если бы хотел, не смог бы найти в себе силы отказаться от того ядовитого плода, которым соблазняла его та, что сейчас властвовала над ним. Она, казалось, имела на него все права, распоряжалась его телом, словно он был не человеком, не мужчиной «активно за сорок», не известным писателем, а искусно вылепленной из плоти игрушкой, неведомыми силами могущей чувствовать и осязать.

Он ощущал неуловимую, горькую сладость ее духов, чей дух будто свился с длинными прядями ее черных волос. Он чувствовал, как эти длинные, шелковистые волосы щекочут его тело — грудь, живот, а затем и бедра. Он знал, что пропал, и отчего-то совершенно не сокрушался по этому поводу.

Сейчас, лежа на широкой кровати, поверженный и побежденный, Денис наслаждался своим поражением. Его буйное писательское воображение рисовало перед ним пленительные аллюзии. Вот он — монах, павший в схватке с суккубом, а она — обольстительная демонесса, явившаяся к нему среди ночи. Неплохой эротический роман бы получился! Немного скандала, пару капель запретного и порядочная горсть откровенности — убойный коктейль. Когда-то приятель Михаил предлагал Денису писать «клубничку», но тогда эта идея показалась начинающему писателю глупой. Она и сейчас

оставалась таковой, но рядом с Маргаритой даже самые абсурдные фантазии играли новыми красками.

Он протянул руку и коснулся смутно белевшей в темноте груди. Нежнейшая кожа, слегка прохладная на ощупь и такая белая... Как писали в классических романах — лилейно-белая. В одно мгновение любовница схватила его запястье своими хрупкими, но удивительно сильными пальцами и отвела его руку, пригвоздив к подушке. Подхваченная волной страсти, Маргарита плавно покачивалась над ним, выплывая из сумрака как призрак, со своей белоснежной кожей. Призрак наслаждения, дымка экстаза.

Она умела, о, она многое умела! Была способна растягивать наслаждение, чтобы в одну секунду обрушить его на партнера как неудержимую волну. Эта ведьма играла на знакомых ее опытным рукам струнах, зная до точности, когда остановиться, а когда продлить ту мелодию, от которой трепетало его мужское естество.

Денис сходил с ума. В буквальном смысле слова. Достаточно было ему днем вспомнить одну из ее ночных штук, и его пронзало весьма ощутимое желание. Как в такие минуты он был смущен! Упаси бог, чтобы шаловливые мысли пришли в голову тогда, когда рядом кто-то был. Денис краснел, смущался и отворачивался. Ни дать ни взять вечерашний школьник! Или, как говорила Маргарита, похотливый баран. Он было обиделся на нее, когда она впервые назвала его так. На что Марго обезоруживающе расхохоталась, заставив обиду рассеяться как дым. Она высунула кончик язычка, в чьей кошачьей розовости было пополам и остроты, и нежности известного рода, при воспоминании о которой у Дениса и вовсе снесло голову. Он мог думать только об одном. «Похотливый баран и есть, — хрипло прошептал он, затем засмеялся и добавил, неуклюже защищаясь под видом комплимента: — Это ты меня таким делаешь!» — «Ja, ja, natürlich», — ответила Маргарита, с милейшим немецким акцентом. Даже каблукками черных туфелек щелкнула и снова рассмеялась. Всегда она могла уложить его на обе лопатки — хоть в фигуральном, хоть в буквальном смысле. Как сейчас, например.

Танец ее бедер, скользкая шелковистость длинных волос, трепет налитой груди — все это сливалось перед Денисом в водоворот, тянувший его ко дну. И он падал, разлетался на щепки, хотя все его нутро рвалось ввысь, к пику, к долгожданному финалу. Этот финал не замедлил последовать, сорвав и с его, и с ее губ переливчатый протяжный стон. Женщина... Она роскошная женщина, черт его раздери!

Денис потянулся к партнерше и тут же отпрянул. Шутка серебристого лунного света или его собственного разгоряченного экстазом воображения — но в одну секунду ему почудилось, что на бедрах его и вправду примостилась ведьма, чья налитая грудь и белая шея отливают голубой чешуей. Он чуть не вскрикнул, когда она приложила два пальца к его губам и улыбнулась. Между синеватой кромкой губ скользнул змеиный язык. Денис дрогнул и сморгнул. И вот он вновь видит капризные губы со следами помады, темно-карие, с изредка появляющимися золотистыми бликами глаза...

— Маленький распутный барашек. — От пота у Дениса слегка завились короткостриженные волосы, отчего он и вправду сейчас напоминал барашка. Только не распутного, а немножко напуганного.

Она улыбнулась, кривя губы в какой-то похабно-коварной ухмылке, а затем одним выверенным броском, как змея, приникла к нему и впилась зубами в его плечо. Больно! Марго всегда умело и больно кусается. Но никогда не оставляет следов. Никогда. Черт ее знает, как у нее это получается. Но как же он ее хотел... До безумия. Что за женщина! Вот уж воистину — ради которой стоит умереть. Или как там говорят в рекламных слоганах к комиксам?

Денис не помнил. Ну и ладно. Плевать! Он был оглушен. Маргарита соскользнула с кровати, оставив его одного — растоптанного и распростертого. Сил хватило лишь на то, чтобы повернуть голову и взглянуть на свою мучительницу.

Он видел в своей жизни многих женщин, но мало кто восхищал его так, как Маргарита. Дело было вовсе не в идеальных формах или подкорректированном в спортзале теле, хотя тело его любовницы и,

по совместительству, помощницы, пиарщицы и «вечного двигателя» всего литературного труда он мог бы без преувеличения назвать идеальным. Ощущалась в ее движениях некая воистину кошачья грация, природная сексуальность, куда более важная, нежели чем все изящные линии и плавные формы, вместе взятые. Сейчас, например, Маргарита, собираясь в душ, завязывала длинные черные волосы в узел. Эти движения, не раз воспетые художниками прошлых веков, возбуждали не меньше, чем раскованные виляния бедрами. Денис, до сего момента утомленный донельзя, встрепенулся и потянулся было к соблазнительнице, но та, сделав шаг прочь, расхохоталась:

— Э, нет! Хорошенького понемножку!

— Маргарита! — он попытался придать голосу твердость истинного самца, но получил в ответ еще один взрыв смеха.

— Ты сегодня и так потрудился на славу, мой барашек. Подумай лучше о серьезных вещах. Например, о твоей главной рукописи. Она скучает без твоего внимания. Нельзя же столько времени отдавать твоему бесшабашному скандинаву! — Марго покачала головой, фыркнула не то досадливо, не то смешливо и продолжила уже на пороге ванной комнаты: — Ты молодец! Не могу удержаться, чтобы который раз не поздравить тебя с успехом. Маховик раскручен. Правда, и работать тебе придется в два раза быстрее. А пока отдыхай. Набирайся сил!

Последнюю фразу она сдобрила красноречивой ухмылкой и скрылась за дверью ванной. Денис снова откинулся на подушки.

«Разбаловала она меня, — лениво подумал он под шуршание душа. — Утром бы не забыть постирать постельное белье... Скотина я все же...»

Да, скотина, но, черт возьми, как хорошо! Хорошо быть разбалованной такой женщиной, как Маргарита. Она никогда не оставалась у него на ночь. Даже если финал их любовной битвы приходился на последние часы ночи — любовница никогда не соглашалась на его джентльменские уговоры оставить ее у себя ночевать. Усмехаясь краешком губ, спешила в душ, быстро одевалась и исчезала, только

он ее и видел. Как-то раз Денис попытался проявить твердость, на что Маргарита ответила: «Не провожай, сейчас самая охота!» — и он тогда так и не понял — шутит она или серьезна. Впрочем, ответ на этот вопрос Денис нашел быстро — когда однажды Марго достала любимую мини-плеточку о тринадцати хвостах — с золотой ручкой и пластиковыми шариками на кончике каждого хвоста, — он понял: нет, не шутит. От извращенности Маргариты веяло чем-то откровенно ведьмовским.

* * *

Она никогда не оставляла в квартире Дениса предательских мелочей — тубик помады, расческу или резинку для волос. Из-за подобной безделицы однажды спалился его сокурсник и лучший друг Михаил — любовница засунула под подушку свои лиловые трусики-стринги. Этот предмет интимного гардероба был обнаружен супругой Михаила Ольгой. За находкой последовал грандиозный скандал, который привел бы к разводу, если бы друзья Михаила до конца отдались бы на волю разбушевавшихся чувств. Ольга сочла за благо закрыть глаза на этот промах мужа, а сам Михаил поклялся себе впредь быть более осмотрительным и не водить рассеянных подружек домой. Ибо чревато.

Забавно, но после Маргариты даже не оставалось шлейфа ее духов. Денис никогда не мог уловить, какой у нее был запах — ни цветочный, ни цитрусовый, ни пряный. Неясный, но манящий, кружащий голову. «Чем пахнут твои духи?!» — однажды не выдержал он. «Это не духи, это флюиды! — расхохоталась она. — Для привлечения таких похотливых маленьких барашков, как ты... ну, не дуйся!»

Она никогда не ныла, как те, что изнывают от отсутствия мужского внимания и любви: «А ты меня лю-убишь? А когда ты приде-ошь?!» — и никогда ничего не просила — ни поездок, ни подарков, ни цветов. Напротив, любила дарить сама, чаще всего нужные и добротные вещи — крошечный диктофон, ежедневник, электрическую

зубную щетку последней модели для выездов на многодневные семинары. Компактную, но вместительную сумку-планшет, для тех же выездных мероприятий. И всегда отмахивалась на его возражения: «Не забывая свою гениальную голову. Мне все это ничего не стоит. Думай над текстом!»

Иногда Денис чувствовал себя ущербным, маленьким и ничтожным — подростком, попавшим в мир взрослых. У Маргариты всегда все было схвачено. Она знала нужных людей, нужные места, у нее никогда не возникало проблем. Казалось, если перед ней маячила какая-либо цель, Марго просто протягивала руку и брала нужное, словно спелый плод.

С одной стороны, глядя на эту силу, вера Дениса в себя и собственную самодостаточность таяла, подобно снежному кому на весеннем солнышке. С другой же — чего при таком раскладе он мог еще желать? О чем ему под такой опекой переживать? Ухожен, сыт, семья в полном порядке. Гуляй, как говорят, не хочу.

Когда Денис оставался у Маргариты... о, это была сказка.

К примеру, фантастический секс, о существовании которого он знал только по фильмам «для взрослых» (сначала он называл их так, а потом стал именовать «фильмами для извращенцев»). Когда Денис впервые переступил порог квартиры Марго и стал осматриваться, взгляд его пал на стенд, оббитый темной, с коричнево-шоколадным отливом, кожей. Стенд был увешан ошейниками, плетками разных видов и предметами, напоминающими мухобойку, которые, как узнал Денис, прогуглив, называются «флоггер». Денис не стал просто душно интересоваться, любит ли Марго собак, он вовсе не был наивным и понял, что девушка увлекается садомазо-развлечениями. Она же, проследив за направлением его взгляда, подмигнула:

— Что, заинтересовался?

— Не знаю... — пожал плечами Денис. — Пожалуй, да. С познавательной точки зрения, конечно.

— Хорошо, потом покажу тебе кое-что, — снисходительно пообещала она. — Но тебе это вряд ли нужно, и углубляться мы

в эту тему не будем, не твое это. Конечно, прежде чем властвовать и приказывать, надо научиться повиноваться самому. Ты удивишься, узнав, сколько «сильных мира сего» на досуге сдаются на милость слабых женских рук с кнутом или стеклом. Но **пока** путь радостей кнута не для тебя.

Но потом они все-таки углубились, и Маргарита показала Денису, каким сладким может быть повиновение. Он и не подозревал, насколько это возбуждает, но она вела себя как воспитательница в детском саду — не запрещала, однако мягко уводила в сторону, чтобы переключить его внимание:

— Мужчина должен использовать свои сильные стороны, а на этом фронте ты быстро выдохнешься и пойдешь ко дну, у тебя начнется депрессия. Я бы хотела видеть тебя успешным писателем, а не игрушкой для доминирующих дамочек вроде меня — ты очень мягкий и ведомый, уж извини, солнышко. Слушайся меня, кто тебе еще правду скажет, кроме друга... Ты мастер слова, писатель, властитель дум — не думай, что я льщу или шучу, ты ведь и сам чувствуешь, где твое, а где — нет. Нельзя питаться одним острым перцем, так и ножки протянуть недолго.

От этих разговоров Вишняков быстро распаялся, но столь же быстро и прогорал, и она безжалостно пригвождала: «Говорила я тебе? Каждый должен заниматься своим делом!»

Утром его ожидал кофе в постель, выключенные телефоны и включенный макбук под нос: «Давай, стучи по клавишам, трудяга. Стучи быстро. Закончишь с этой мелочью, будешь писать о **главном...**» Потом следовал ненавязчиво подсунутый под тот же нос ланч, который поглощался писателем без перерыва, по ходу работы. Часа в четыре Денис устало отодвигался от компьютера, выбираясь из придуманного им мира Олафа-варвара.

— Добро пожаловать в реальность, — улыбаясь, говорила Маргарита, и он вспоминал, что голоден. Затем следовал новый нырок в псевдоскандинавский эпос, а выныривал Денис вновь в объятия Маргариты...

Она подзаряжала его энергией, как неистощимый аккумулятор. Когда Денис думал, что полностью опустошен, к нему приходило второе дыхание, а затем третье, четвертое... Как говорится, «что тут думать, трясти надо!». Он тряс, и плоды падали в его подставленные ладони.

...Хлопнула входная дверь, и на секунду Денис понял, что зверски проголодался, но встать уже не было сил. «Жизнь все-таки прекрасная штука, черт подери!» — успел подумать он, погружаясь в бездонную тьму.

* * *

Потом сквозь прикрытые веки зазолотился солнечный свет.

Вишняков распахнул глаза. Ослепительное солнце, голубое небо с редкими облачками, ветерок ласково овеивает разгоряченное лицо, почему-то пахнет морем...

Какое море?!

А что... Что это такое?!

Прямо перед его носом покачивалась петля. Отвратительно грубая веревка с торчащими из нее частичками костры. Почему-то именно эти кусочки вызвали в нем мучительный протест — он предоставил, как они впиваются ему в шею, царапают...

«Не хочу!» — метнулась паническая мысль.

Наспех оструганные доски под ногами. Не привыкшие ходить босиком ступни чувствовали шероховатость дерева, занозы впивались в неогрубевшую кожу. На чем он стоит? Даже не люк, табуретка. Мелочи виделись, как под увеличительным стеклом. Щекотки одеревеневших волокон он испугался, а того, что его сейчас вздернут за здорово живешь...

И в эту секунду Денис понял, что все взаправду. Эти недоструганные доски, петля, жара и его глухо стучащее сердце. Он заметался, попытался сдвинуться с места, но локти оказались туго стянутыми за спиной; хотел крикнуть, но горло выдало какой-то сдавленный

писк. Что это, почему, где он? Впрочем, какая разница, где! Он стоит на какой-то табуретке, связанный... Может быть, его сонного увезли? Наркотиками накачали? Кто? Маргарита? Но какая разница, кто... Его, Дениса Вишнякова, сейчас не станет, и помощи ждать неоткуда.

Не хочу!

За спиной глухо, гулко и медленно застучали тамтамы. Такой звук получается, если в туго натянутую кожу бить обернутой в мех колотушкой. Жуть, мракобесие! За что?!

Петля продолжала издевательски покачиваться, через нее проглядывало белое пушистое облако, лучик солнца ласкал скулу, а сердце уже било пудовым молотом, вторя тамтамам за спиной, отдавая в виски. Он замычал из последних сил, рванулся вперед, табуретка покачнулась, Денис с криком полетел вниз, на доски помоста...

...И вздрогнул, когда понял, что «приземлился» на собственную кровать, этот рывок и крик вытолкнули его из ночного кошмара.

Это сон? Наваждение закончилось? Лучик солнца действительно грел его лицо, пробившись сквозь прозрачный тюль занавески, но это было не **там**, а здесь, в его квартире, на родной семейной двуспальной кровати... в которой вчера торжествовала над ним ведьма-суккуб Маргарита. А почему так чудовищно громко продолжает стучать сердце?! Нет, конечно, сердце не может издавать таких звуков. Денис уже проснулся, хотя и видел окружающую его реальность как в тумане. Так и до сердечного приступа недалеко...

Стучали в дверь.

Руки Дениса еще подрагивали, а дыхание было спертым, когда он, путаясь ногами в покрывале, выкарабкался из кровати. Странно, что стучат — электричество, что ли, вырубили... Звонок же есть... А сердце все частило. Жуткий сон, жуткий. И как хорошо, что это просто сон. Привыкнуть бы теперь к мысли, что это был просто сон...

Даже не спросив: «Кто там?», Денис открыл дверь. За нею на площадке стоял персонаж, достойный привидеться еще в одном кошмаре.

Дядька лет пятидесяти, одетый в синий, выдавший виды рабочий комбинезон, в стоптанных тяжелых ботинках, покрытых, как и края штанин, серой, заскорузлой грязью. Грузная и нелепая фигура, голова словно вдавлена в плечи, шеи просто не видно. Как будто ее нет и вовсе. Морщины такие глубокие, точно вырезаны стамеской. Как персонаж из семейки Адамс... Из левого нагрудного кармана у мужика торчала рулетка, из правого отвертка.

— Вам кого? — опомнился Денис, поймав себя на том, что неприлично долго молчит и рассматривает пришедшего.

Гость, который явно мог бы стать подходящим кандидатом для съемок в фильме ужасов, ответил ему сначала непроницаемым взглядом мутноватых ословелых глаз под клоками спутанных седых бровей, густых, как у кормчего застоя. Затем прокашлялся и сипло сказал:

— Так это... Где покойный-то? Куда проходить?

От неожиданности сердце, недавно едва успокоившееся, снова трепыхнулось, а реальность поплыла. Что это еще за «виденье гробовое»?

— Какой еще покойный? — сердито спросил Денис.

— Так это... — топтался на месте дядька. — Вызов был. На обмер.

— Какой еще... к черту... обмер?! — сердился Денис.

— На обмер покойника, ясен хрен, — невозмутимо ответил визитер. — Вызов поступил в нашу контору.

Несколько секунд Денис тупо соображал, не очередной ли это сон? Затем наконец попытался взять себя в руки.

«В полицию позвонить? Или послать этого типа куда подальше?..» — пронеслась мысль, но предательский холодок засосал под ложечкой. Отвертка, надо же... У похоронного «обмерщика» из кармана отвертка торчит! «Гроб длиной в тринадцать отверток, шириной в пять... Тридцать восемь попугаев, вот же...» — пронеслось у Вишнякова в голове сумасшедшим галопом.

Но дядька засуетился вдруг и стал копать в карманах спецовки: